

Истоки формирования научной категории «русская власть» The Origins of the Formation of the Scientific Category «Russian Power»

А. НИКОЛЕНКО

Николенко Анастасия Алексеевна, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета.
Email: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Освещение научной категории «русская власть» невозможно без осмысления сущности самого феномена. Формирование нового политического курса происходит в сложных условиях, кризисные явления современности формируют как уже существующие институты общества и управления, так и концептуально отражаются на только становящихся отношениях, в том числе в сфере власти. Сравнительный анализ позволяет проследить историю проблематики феномена «русской власти». Новейшая история вновь делает эту проблему актуальной в силу того, что события, происходящие в мире, создают уникальные условия для изменения политического пространства, а, следовательно, появления концепций и проведения анализа новейших политических отношений.

Ключевые слова: «русская власть», общественно-политическая мысль России, процессуальные свойства, политическая власть, консервативный лагерь, идеи радикализма, идеи либерализма, властентричность, патернализм, легитимное государственное насилие.

The coverage of the scientific category «Russian power» is impossible without understanding the essence of the phenomenon itself. The formation of a new political course takes place in difficult conditions, the crisis phenomena of modernity form both the already existing institutions of society and management, and conceptually affect the relations that are just becoming, including about power. Comparative analysis allows us to trace the history of the problematic phenomenon of «Russian power», and the recent history makes this problem relevant again, since events taking place in the world become a unique field for changing the political space, and, consequently, concepts and analysis of the latest political relations.

Key words: «Russian power», socio-political thought of Russia, procedural properties, political power, conservative camp, ideas of radicalism, ideas of liberalism, power-centricity, paternalism, legitimate state violence.

Современная политическая практика делает актуальной проблему осмысления «русской власти» и проблем «русской локальной цивилизации» как научного концепта. Первые попытки создать нарратив относительно особенностей власти в России, предпринимались еще в XIX веке, однако глубоких подходов создано так и не было, и сущностные характеристики остались вне внимания на определенный период. Процессуальные свойства институтов власти в России, а также перспектива их развития становится важной исследовательской проблемой и в современной ситуации. Одним из основоположников данной проблематики в современной науке стал Ю.С. Пивоваров, появление работ которого стало началом научного интереса к властным особенностям воспроизводства управления в России [1, 184].

Тем не менее, часть политологов придерживалось мнения, что «русская власть» – это комплекс устойчивых и воспроизводимых в российской политической истории свойств политических режимов. Однако нам представляется, что такой формально-логический подход не дает полного представления о «русской власти» как научной категории. Прежде всего потому, что

за рамками исследовательского поля остаются процессуальные свойства политической власти в России.

В 1990–2000-х годах одним из популярных подходов стал метафизический, в соответствии с которым политический миф расшифровывается буквально. Но если в подобном подходе и есть легитимационный потенциал, то, как научная модель, подобные построения довольно слабы, так как не учитывают реальных условий происходящего процесса; кроме того, воспроизведение мифа на каждом этапе имеет особенности, не являющиеся универсальными. Как некий абсолютизирующий «русскую локальную цивилизацию» элемент культуры, подобная парадигма выглядит довольно привлекательной, однако доказательная база ее размыта и критического анализа часто не выдерживает. Прецедент постсоветского отвержения опыта предыдущей системы невозможно применять ко всем временным промежуткам, тем более это не является абсолютным маркером этнического политического характера. [2, 7].

Властечентричность и насилие гораздо более характерны для монархий и более традиционных обществ, когда в России зачастую традиция становится неким шаблоном, который внутри себя имеет иные когниции и нарративы, в отличие от постулируемых. Процессуальная сущность политических актов заключена в действиях властвующего субъекта в рамках условий, но также зависит от внутренних трендов и внешних противоречий.

Консервативные идеи, либеральные и радикальные, в сущности имеют под собой одно основание и повторяют ошибки друг друга в теоретической части. Что же касается особенностей цивилизационного развития страны и ее включенности (или «невключенности») в группу соседних стран, то возникает вопрос как о целесообразности подобного действия, так и о вопросе, что именно считать «центром» политической «акции» или же действия. По мнению Д.В. Шикунова «...на уровне государственной элиты и научного сообщества нашей страны идет внедрение мифологемы о России как особой “самодостаточной цивилизации”. Подобную позицию открыто занимает ... патриарх Кирилл ... и Президент В.В. Путин». То есть научная категория «русская власть» тесно связана еще и с мифологемой единства и идентичности, а также судьбы. Но при этом, как и любая мифологема объединенности, «русская власть», чтобы стать развернутой научной концепцией, должна преодолеть архаичность представления о ней, и кроме того, развиваться в более полную и основательную теоретическую конструкцию. Этого пока не произошло, так как сами свойства феномена зачастую ускользают в область мифологическую, и становятся частью легитимационных процессов или же огрубленных бытовых представлений о власти в целом. Подобная ситуация возникает и с понятием «русская локальная цивилизация» [3, 87].

Кроме особого типа легитимации, в России достаточно архаичных элементов восприятия как государства, так и общественных институтов. Все это может объясняться наличием периферийного менталитета, который сформировался по причине смещения политической активности из крупных городов и территорий в малые. Однако затем произошел обратный процесс стягивания полномочий в «центр», который из абстрактного превратился в реальный, а не мифологический центр управления и притяжения ресурсов.

«В современном демократическом обществе легитимность власти во многом зависит от уровня и качества взаимодействий государства и гражданского общества. При этом обеспечить равноправный диалог с властью может только зрелое и дееспособное гражданское общество, где есть возможность для артикуляции и защиты своих социальных и политических прав» [4, 61].

Поэтому формирование научной категории «русская власть» долгое время было вопросом метафизического пространства смыслов, что и привело к пониманию её свойств как неких нарративно-мифологических схем – хотя, в свою очередь, особенности властвования и управления связаны не только с культурой как таковой или типом хозяйствования, но и с целым комплексом взаимосвязанных и сложных явлений.

«Багаж исторических и культурных воспоминаний может принадлежать и большой общности, которая политически управляется. Тогда следует говорить о памяти самого государства,

не всегда способной выступать предметом гордости. Тогда государственные институты могут прибегать к фигурам умалчивания, преднамеренного забывания в собственной истории каких-либо неприятных моментов. Прежние герои и их деятельность теряют свою актуальность, и даже, более того, являются уже опасными и чересчур радикальными в новой реальности» [7, 274].

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование концепта «русская власть» сопряжено с такими смежными явлениями и феноменами, как мифологизация политического действия и пространства, архаичные элементы в сознании граждан или их отсутствие, реальные условия развернутого политического процесса, феномены мышления элиты и культурная память. Кроме того, стоит заметить, что научное понимание феномена властного не сводится к сумме парадигм и определений: в данном вопросе важно уяснить суть происходящих и уже произошедших событий, а также проследить изменение как дискурса по поводу них, так и раскрыть внутреннее содержание смежных явлений, исходя из сущности и условий, но не из абстракций даже высшего порядка, которые зачастую выводят научные схемы в рамки иррационального и мифологического.

Литература

1. Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3.
2. Ирхин Ю. Российская политология: двадцать или двести лет спустя? // Сб. науч. ст. «Актуальные вопросы политологии и политики в России». М., 2008. С. 14–25.
3. Шикунов Д.В. Цивилизационные угрозы в программных установках политических партий в современной России // Сб. ст. «Избранные научные труды». М., 2017. С. 84–93.
4. Великая Н.М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 59–71.
5. Коробова А.П., Крысько В.Н. К вопросу о распределении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5. С. 444–445.
6. Рамазанов А.Х., Сапаева Г.А. Президентская власть с точки зрения принципа разделения властей // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1. С. 65–67.
7. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.